

Александр Амфитеатров

Анна Дэмби

Александр Валентинович Амфитеатров

Анна Дэмби

Серия «Женское нестроение», книга 6

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2784095

Аннотация

«Актриса (входитъ). Простите...

Фельетонистъ. Чѣмъ могу служить?

Актриса. Простите... я беспокою васъ, помѣшала... вы заняты... эти бумаги...

Фельетонистъ. Съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить?

Актриса. Мое имя? но... не все ли вамъ равно?

Фельетонистъ. Однако?

Актриса. Мое имя не скажетъ вамъ ровно ничего. Софья Ивановна, Ольга Петровна, Надежда Андреевна – вѣдь это же песчинки въ степи, капли въ морѣ, похожія песчинка на песчинку, капля на каплю, какъ родныя сестры. Вы видите ихъ сотни, тысячи. Развѣ можно запомнить каждую песчинку и одну каплю отличить отъ другой?..»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

Александр Валентинович
Амфитеатров
Анна Дэмби
Мораль въ одномъ дѣйстви

Лица:

Фельетонистъ.

Начинающая актриса.

* * *

Актриса (входитъ). Простите...

Фельетонистъ. Чѣмъ могу служить?

Актриса. Простите... я беспокою васъ, помѣшала... вы заняты... эти бумаги...

Фельетонистъ. Съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить?

Актриса. Мое имя? но... не все ли вамъ равно?

Фельетонистъ. Однако?

Актриса. Мое имя не скажетъ вамъ ровно ничего. Софья Ивановна, Ольга Петровна, Надежда Андреевна – вѣдь это

же песчинки въ степи, капли въ морѣ, похожія песчинка на песчинку, капля на каплю, какъ родныя сестры. Вы видите ихъ сотни, тысячи. Развѣ можно запомнить каждую песчинку и одну каплю отличить отъ другой?

Фельетонистъ. Все это прекрасно и даже въ нѣкоторомъ родѣ глубокомысленно, но надо же мнѣ звать васъ какъ-нибудь, моя таинственная гостыя... Безразличное «вы» – мѣстоименіе гибкое, но и его примѣненію конецъ бываетъ, и оно подвержено усталости и истощенію.

Актриса. Хорошо... Въ такомъ случаѣ... зовите меня... Анна Дэмби.

Фельетонистъ. Какъ?

Актриса. Миссъ Анна Дэмби.

Фельетонистъ. Ага! это изъ «Кина»... Значить, вы актриса? Очень радъ; по вашимъ мечтательнымъ глазамъ я принялъ было васъ за поэтессу, а этой публики я боюсь, какъ огня... Что же вамъ угодно, миссъ Анна Дэмби?

Актриса. Я пришла къ вамъ за тѣмъ же, зачѣмъ настоящая Анна Дэмби приходила къ Кину: посоветоваться, стоитъ ли мнѣ быть актрисою, оставаться на сценѣ... Предупреждаю васъ: для меня этотъ вопросъ – почти вопросъ жизни и смерти... не физической, такъ нравственной... а что изъ двухъ хуже, – не знаю... сами рѣшайте!

Молчаніе.

Фельетонистъ. И вы возлагаете на меня – незнакомаго вамъ человѣка – страшную отвѣтственность рѣшить такой серьезный и сложный вопросъ?

Актриса. Да.

Фельетонистъ. За что же мнѣ сіе? Почему?

Актриса. Потому что, читая васъ, я убѣдилась, что вы любите искусство, желаете добра ему и намъ, его бѣднымъ слугамъ, потому что – я слышала – вы сами были актеромъ... потому что... ну, я сама не знаю, почему... потому что я вамъ вѣрю, а почему вѣрю, – опять-таки не знаю... потому что я женщина, а у женщинъ есть инстинктъ, гдѣ имъ искать откровеннаго и необиднаго слова...

Фельетонистъ. Послѣдняя причина настолько уважительна, что вы могли бы ограничиться ею одною, не утруждая себя двумя первыми. Хорошо-сь, будемъ бесѣдовать. Давно вы на сценѣ?

Актриса. Первый годъ.

Фельетонистъ. Имѣли успѣхъ?

Актриса. Какъ вамъ сказать... когда мнѣ попадалась на долю хорошая, содержательная роль, кажется, имѣла... но выбиться такъ трудно, такъ трудно!

Фельетонистъ. Вы любите сцену?

Актриса. Страстно.

Фельетонистъ. Именно любовь къ сценѣ и сдѣлала васъ актрисою?

Актриса. М-м-м... не совсѣмъ. Конечно, меня всегда ин-

тересоваль театр, но по-настоящему, вот какъ теперь, онъ захватилъ меня уже послѣ того, какъ я поступила на сцену...

Фельетонистъ. Что же заставило васъ сдѣлать этотъ шагъ? Вы бѣдны?

Актриса. Не богата, но обезпечена.

Фельетонистъ. Тщеславны? Хочется играть роль звѣзды общества, – чтобы всѣ кричали о васъ, о вашей красотѣ, о вашемъ талантѣ? Хочется побѣждать сердца, видѣть у своихъ ногъ титулы и капиталы, лавры, брильянты? Да?

Актриса. Можетъ быть, есть немножко и этого, – то-есть я не о титулахъ, капиталахъ, брильянтахъ, но о лаврахъ, о шумѣ въ обществѣ... это пріятно, это увлекаетъ! – но... главное-то все-таки – кажегся мнѣ, – не тутъ...

Фельетонистъ. Объяснитесь, – я слушаю.

Актриса. Жизнь скучна, – вотъ гдѣ главное.

Фельетонистъ. Жизнь скучна?! Сколько вамъ лѣтъ? – простите невѣжливый вопросъ.

Актриса. Не такъ молода: уже за двадцать.

Фельетонистъ. Я считалъ васъ моложе. Беру назадъ свое удивленіе: дѣвушка въ двадцать лѣтъ – внутреннюю свою жизнь – стоитъ впереди тридцатилѣтняго мужчины... Когда двадцатилѣтній мальчикъ байронически вздыхаетъ о скукѣ жизаи, – это лишь трагикомедія, но скука жизни въ двадцатилѣтней дѣвушкѣ – другой вопросъ... Итакъ, жизнь ваша скучна. Не попробуете ли вы опредѣлить: чѣмъ именно?

Актриса. Всѣмъ.

Фельетонистъ. Это много – и въ то же время ровно ничего.

Актриса. Вотъ вамъ мое положеніе. Я вамъ сказала, что я не богата, но я и не бѣдна! что ѣсть – у меня есть. Я принадлежу къ семьѣ въ полномъ смыслѣ слова порядочной. Я получила хорошее образованіе. Наконецъ, какъ вы видите, я недурна собой...

Фельетонистъ. Пока – все причины радоваться жизни, а не скучать ею.

Актриса. А я скучаю. – То-есть – скучала до сцены.

Фельетонистъ. У васъ есть приданое?

Актриса. Нѣтъ этимъ благомъ не награждена.

Фельетонистъ. За послѣднимъ исключеніемъ, вы, по описанію вашему, завидная невѣста, и мнѣ даже странно, какъ это до сихъ поръ для васъ не возликоваль Исаія.

Актриса. И не возликуеть.

Фельетонистъ. Приходится поставить новое «почему»?

Актриса. Замужество безъ любви – еще большая скука, чѣмъ дѣвичество, да и отвращеніе въ придачу. Принадлежать человѣку, котораго не любишь, а, какъ разглядишь его въ семьѣ поближе, – можетъ быть, не будешь въ состояніи даже симпатизировать ему... бракъ безъ любви, безъ симпатіи, безъ уваженія... брр!.. брр!.. Мнѣ даже холодно стало.

Фельетонистъ. Причина резонная. Продолжайте.

Актриса. Пошлетъ мнѣ Богъ любовь, не пошлетъ ли, –

покрыто мракомъ неизвѣстности. Выходить замужъ по расчету... даже, если бы мнѣ когда-нибудь удалось преодолѣть свое отвращеніе къ такому поступку, теперь, на мой взглядъ, прямо позорному и преступному... нѣтъ, для брака по расчету я, во всякомъ случаѣ, еще слишкомъ молода! Къ этому можетъ притиснуть лишь такая необходимость, что либо въ воду, либо въ законный бракъ по взаимному... неуваженію!.. Или приведетъ холодное спокойствіе зрѣлыхъ лѣтъ, когда отцвѣтеть мое тѣло, замрутъ душевные порывы, погаснутъ миражи манящихъ меня идеаловъ, когда... ну, словомъ, когда мнѣ будетъ не жаль себя, какъ жаль теперь, когда я устану жизнью настолько, что комфортъ сдѣлается дороже своей личности и чести...

Фельетонистъ. «Забыться и заснуть»?

Актриса. Да. Если ужъ сложить судьба мнѣ такое несчастье, тогда, – но только тогда, – пожалуй, приходи, немилый...

Фельетонистъ. «Брекекекесь»?

Актриса. Это что такое?

Фельетонистъ. Какъ разъ то, о чемъ вы говорите: водяной царь изъ пьесы Гергардта Гауптмана «Die versunkene Grlocke», захватившій, безъ любви, въ свои лапы прелестную фею Раутенделейнъ... тоже ради ея и своего комфорта.

Актриса. Ахъ, да, помню, читала.

Фельетонистъ. Итакъ, на бракъ, подразумѣвая подъ бракомъ не одинъ церковный обрядъ, но и вообще постоян-

ные любовныя отношенія между мужчиною и женщиною, вы смотрите серьезно, съ возвышенной и поэтической точки зрѣнія. Это, конечно, весьма серьезное препятствіе выйти замужъ, но я начинаю соглашаться съ вами, что, если и возликуеть для васъ Исаія, то не сразу. Легки только солидно-обманные браки съ Брекекексами, да шальные браки съ первыми встрѣчными. Какъ дѣвушка, не стремящаяся въ брачную пристань, точно въ послѣднюю житейскую гавань, а вмѣстѣ съ тѣмъ не желающая сидѣть на шеѣ у своихъ родныхъ, вы, конечно, старались найти самостоятельный трудъ... не правда ли?

Актриса. Да.

Фельетонистъ. Сколько же самостоятельныхъ трудовъ перепробовали вы прежде, чѣмъ осановились на сценѣ?

Актриса. Какъ вамъ сказать? Не особенно много... и, при томъ, всѣ – въ области искусства. Я рисовала. Я пѣла. Я училась музыкѣ. Во всемъ успѣвала и... ни въ чемъ не успѣвала вполнѣ. Много способностей, – разбросанная талантливость понемножку... Я вѣдь чистокровная русачка, а у насъ у всѣхъ такая талантливость: куда ни брось, сразу, какъ кошки, становимся на четыре лапы, – и много не сдѣлаемъ, а на первыхъ порахъ удивимъ.

Фельетонистъ. Общественной жилки въ васъ нѣтъ?

Актриса. То есть?

Фельетонистъ. Васъ не тянуло уйти учительницей въ народную школу, въ женщины-врачи, въ фельдшерицы или

сестры милосердія, въ благотворительность по труппамъ? Васъ не интересовали ни толстовцы, ни марксисты? Вы не писали публицистическихъ трактатовъ о правахъ женщинъ?

Актриса. Такой жилки во мнѣ, къ сожалѣнію, совсѣмъ нѣтъ.

Фельетонистъ. Ну, – если вы не хотите идти замужъ, если васъ не влечетъ къ себѣ дѣятельность социально-утилитарная, въ чемъ же сомнѣніе? – отчего же вамъ въ такомъ случаѣ и въ самомъ дѣлѣ не поевятить себя искусству, не пойти хотя бы и въ актрисы?

Актриса. Вы убиваете меня, – вы сказали это такимъ тономъ, точно подразумеваете: ступай въ актрисы, потому что ты больше никуда не годна.

Фельетонистъ. О, нѣтъ, милая миссъ Анна Дэмби! Вы ошиблись. Тонъ мой относится не къ вамъ, а къ дѣлу, въ которое вы вступаете. Видите ли: я очень люблю искусство – и ненавижу его въ то же время. Въ особенности театръ. Ненавижу зато, что, – чѣмъ дальше, тѣмъ больше, – театръ дѣлается Молохомъ, пожирающимъ молодыя силы русскаго общества, замѣняя для нихъ своею призрачною жизнью и дѣятельностью подвиги жизни дѣйствительной, Майя вмѣсто дѣйствительности! Культъ Майи – вмѣсто культа правды!.. Мнѣ жаль этихъ силъ, слѣпо, стаднымъ чувствомъ увлекаемыхъ въ прикрытую розами пустоту, и больше всего, въ числѣ ихъ, жаль святыя женскія души, бесплодно сгорающія на алтарѣ безжалостнаго Молоха, тогда какъ...

Актриса. Раутенделейнъ могла бы благополучно успокоиться въ омутѣ Брекекекса?

Фельетонистъ. Спрошено насмѣшливо, и я заслужилъ эту маленькую злость. Да! Вотъ такъ-то всегда. Воевать противъ искусства, отбивать отъ него прозелитовъ легко. Но, – когда насъ спрашиваютъ женщины: что же, замѣнь искусство, предложите вы мнѣ? чѣмъ я заполню свою жизнь, если надо убрать изъ нея стимуль этого плѣнительнаго миража? – мы, мужчины, дѣлаемся ужасно ненаходчивы, и втайнѣ, кромѣ стараго рецепта – «замужь», рѣшительно не знаемъ, что дѣльно предложить... Да – по правдѣ сказать – и нечего... И – чтобы замаскировать свое незнаніе и неимѣніе замѣнь – пускаемся въ хитрые обходцы, чтобы не сразу испугать васъ словомъ «замужь». Но рано или поздно произнести его все-таки приходится, и все очарованіе нашихъ хитрыхъ обходцевъ исчезаетъ, и женщина видитъ, что она – все-таки стоитъ надъ омутомъ Брекекекса. Конечно, есть другой фортель: можно наговорить много красивыхъ словъ и громкихъ фразъ, можно продекламировать трепещущимъ голосомъ:

Иди къ униженнымъ,
Иди къ обиженнымъ,
По ихъ стопамъ,
Гдѣ трудно дышится,
Гдѣ горе слышится,
Будь первой тамъ...

Но вѣдь это – «сильно, но неубѣдительно», какъ говоритъ одинъ русскій отрокъ. «Пѣснь – все пѣснь, а жизнь – все жизнь!». Женщина приходитъ къ намъ и спрашиваетъ: гдѣ мнѣ искать счастья? – а мы ей: какое тебѣ, матушка, счастье? – ступай къ униженнымъ, ступай къ обиженнымъ, ступай во всю эту юдоль плача и стенаній, куда намъ, людямъ дѣловымъ, занятымъ, промышляющимъ, служащимъ и жуирующимъ, самимъ идти и некогда, и неохота. Вотъ твоя доля – вотъ тебѣ и все твое счастье! Вмѣсто хлѣба – камень, вмѣсто рыбы – змѣя. Нѣтъ, миссъ Дэмби, спасибо, что вы меня обрвали. Лицемѣріе въ данномъ вопросѣ такъ крѣпко прососалось въ наши души, что, заговоривъ, и самъ не замѣчаешь, какъ, нехотя, уже лицемѣришь. Лицемѣріе это вытекаетъ изъ того, что не любимъ мы женской самостоятельности, не любимъ и средствъ, дающихъ женщинѣ самостоятельность. На русской почвѣ изъ всѣхъ средствъ самостоятельности, обезпечивающихъ женщинѣ не прозябаніе, – этихъ-то сколько угодно! – но болѣе или менѣе безбѣдное житье, пока надо серьезно считаться лишь съ однимъ: съ театромъ. И потому-то театръ особенно намъ ненавистенъ: онъ отнимаетъ у насъ женщину-рабу, самку, хозяйку, орудіе нашего комфорта, – и мы, кабы были не только сердиты, но и сильны, непременно разрушили бы за это театръ. Но, такъ какъ мы только сердиты, то мы, продолжая ненавидѣть, маскируемъ, однако, приличія радя, ненависть свою восхитительнымъ лицемѣріемъ. Мы, видите ли, ничего не имѣли бы противъ те-

атра, противъ дѣлежа нашими женщинами со сценою, но... театръ – такое ужасное мѣсто! Это – вертепъ пьянства и разврата, дурныхъ словъ, дурныхъ мыслей, пріютъ продажныхъ мужчинъ и женщинъ, браковъ на сезонъ и т. д. Наши женщины, видите ли, глупы, наивны, – и, какъ глупыхъ и наивныхъ, Молохъ сцены моментально поглотитъ ихъ своею безпутною пастью и ассимилируетъ всему своему безобразному содержимому. Спасемъ же нашихъ женщинъ отъ всерастлѣвающихъ кулисъ! Пусть онѣ плѣснѣютъ въ нашемъ омутѣ, а не въ театральномъ... подъ нашею опекою, по нашей волѣ, а не по своей собственной, за свой страхъ и рискъ! Спасемъ, и – цѣпочку на шею, а цѣпочку – въ колечко, а колечко – винтомъ на стѣнку. Сиди, моя радость, и будь счастлива! Можетъ быть, на своей цѣпурѣ ты одурѣешь отъ скуки, отъ тяжелой тоски рвущихся на волю талантовъ, бесплодно закопанныхъ въ землю, отъ стыда за свое рабство – такое же лицемерное, какъ лицемерили съ тобою твои ласковые поработители. Зато... это ли не счастье? – лѣтъ черезъ двадцать пять веселаго сидѣнія на нравственной цѣпурѣ, ты – опошлѣвшая, оглупѣвшая – умрешь съ репутаціей «порядочной женщины»... и эта репутація достанется тебѣ даромъ и останется при тебѣ даровымъ приложеніемъ, «преміей къ изданію» твоего супружества, неотъемлемою, хоть ты перемѣни сто любовниковъ! Тогда какъ – будь ты актрисою, то, хотя бы ты не имѣла ни одного, – ой-ой-ой! Какою дорогою цѣною, какимъ унижительнымъ и долгимъ испытаніемъ ты обязана у

нась, Брекекексовъ, купить себѣ снисходительное признаніе твоихъ правъ на репутацію честности! Ты умрешь, и водяники оросятъ твой прахъ слезами: «Квараксъ! брекекексъ!.. покойница заблуждалась въ юности, но, подѣ нашимъ мудрымъ вліяніемъ, исправилась къ зрѣлымъ годамъ и стала истиннымъ украшеніемъ нашей спокойной, мирной, зеленой тины. Увы! Кто будетъ теперь поить меня утреннимъ кофе съ густыми сливками? Кто будетъ покорно слушать правила житейской мудрости брекекексовъ – Домострой XIX вѣка – денно и ночью льющейся неугомоннымъ потокомъ филистерскихъ максимъ изъ самодовольныхъ устъ моихъ, устъ хозяйина и домовладыки, на пользу и утѣшеніе любящей супруги, чадѣ и домочадцевъ? На чью нѣжную грудь склоню я, возвратясь изъ департамента, свою, утомленную отношеніями за нумеромъ такимъ-то и предписаніями за нумеромъ этакимъ-то, глубокомысленную голову? Съ кѣмъ буду продолжать славный родъ свой, дабы и впредь болото наше не оскудѣвало брекекексиками?.. Увы! Нѣтъ ея, неукоснительной исполнительницы всѣхъ означенныхъ великихъ функцій въ теченіе цѣлыхъ двадцатипяти лѣтъ, промѣнявшей на функціи эти и свое дарованіе, и обусловленную дарованіемъ самостоятельность – свободу вольной птицы... Нѣтъ ея! Увы! брекекексъ! брекекексъ! брекекексъ!»!.. Есть у васъ талантъ?

Актриса. Не знаю. Знаю лишь, что я глубоко чувствую то, что играю. Мнѣ весело, когда я смѣюсь съ изображаемымъ мною лицомъ, и я плачу настоящими слезами, когда роль

велить плакать.

Фельетонистъ. Вы еще не успѣли возомнить себя ни новою Дузэ, ни Ермоловой?

Актриса. Конечно, нѣтъ.

Фельетонистъ. А – въ мечтахъ своихъ – конечно, уже рисуете себѣ ихъ карьеру?

Актриса. Говорять, будто плохъ тотъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ. Надѣюсь и я, что, если останусь на сценѣ, то не для того, чтобы вѣчно быть въ солдатахъ. Но – даю вамъ честное слово – о фельдмаршальскомъ жезлѣ пока не мечтаю, да и не знаю, буду ли мечтать. Я чувствую въ себѣ способности къ сценической дѣятельности, но велики ли онѣ, нѣтъ ли – сама того не знаю. Думаю, что не очень велики.

Фельетонистъ. Вы молоды, красивы, у васъ, какъ у Корделии, «тихий, нѣжный голосъ – большая прелесть въ женщинѣ». Вы умны и образованы. Вы любите театръ. Вы любите тѣхъ, кого играете, и переживаете – хорошо ли, дурно ли, умѣло или наивно – другой вопросъ, но переживаете своимъ «я» ихъ судьбу. Сложится ли изъ этихъ данныхъ «талантъ»? Не знаю. Но – по сотнямъ примѣровъ – знаю, что если женщина вступаетъ на сцену не въ твердомъ самомнѣннн немедленно заткнуть за поясъ всѣхъ Дузэ, Ермоловыхъ, Федотовыхъ, Савиныхъ, Сарь Бернарь, то вашихъ данныхъ достаточно, чтобы стать замѣтнымъ, полезнымъ и симпатичнымъ явленіемъ во всякой драматической труппѣ. А дальнѣйшее

– дѣло практики и любви къ своему призванію... Разъ есть призваніе – оно выведетъ васъ сквозь всѣ терніи тяжелой театральнѣй карьеры невредимою и усовершенствованною. *Per angusta ad angusta, per aspera ad astra.* А терній много... хотя, разъ ужъ мы отбросили въ сторону всякое лицемѣріе, все-таки меньше, чѣмъ пугаютъ молодыхъ неофитовъ сцены ихъ доброжелатели изъ «публики» – родные, знакомые, друзья, женихи.

Актриса. Вы думаете?

Фельетонистъ. Да. Я самъ былъ актеромъ – и хорошо помню сцену. Мнѣ пришлось пережить ужасный сезонъ, полный и безденежья, и безквартирья, и ссоръ всей труппы между собою, и газетной ругани ради ругани... Ухъ, какъ жутко было! Такъ жутко, что, едва кончился этотъ сезонъ, я не нашель въ себѣ достаточно любви къ сценѣ, чтобы сохранить мужество къ продолженію театральнѣй карьеры, и ушелъ отъ нея навсегда къ новому роду дѣятельности. Но вѣдь ушелъ одинъ я, – потому что мало любилъ, тянуло къ другому. А было насъ въ этой страдѣ сорокъ человекъ: всѣ молодые, – и не отбрось какой-нибудь образованная женщины, интеллигентные юноши. И всѣ они до сихъ поръ – кто не умеръ – живутъ театральнымъ трудомъ, хотя случалось, конечно, переживать имъ не одинъ ужасный сезонъ и послѣ нашего ужаснаго, и большинству было куда уйти отъ неудачной карьеры. Слѣдовательно, во-первыхъ, не такъ страшень чортъ, какъ его малюютъ, а, во-вторыхъ, крута гора, да за-

бывчива. Теперь, мисс Анна, – если вамъ угодно, послѣдуйте примѣру вашего прототипа въ мелодрамѣ «Кинь»: закройте лицо вуалемъ, потому что я буду говорить о вещахъ щекотливыхъ: о главномъ пугалѣ филистерства противъ сценической богемы – о закулисной безнравственности. Брекексы рассказываютъ о ней ужасы. Говорить, что за кулисами царятъ монастырскіе нравы, было бы пошло. Но что безнравственность дѣятелей сцены опять-таки чортъ, рисуемый страшнѣе настоящаго своего вида; что безнравственность эта на три четверти своей болѣе показная, чѣмъ дѣйствительная, – это я осмѣливаюсь утверждать категорически. Актеры и актрисы – великіе пустословы на легкомысленныя темы, и отъ этого свѣтъ увѣрень, что они и пустодѣлы, а между тѣмъ у большинства этихъ пустослововъ умъ и сердце гораздо лучше и чище ихъ языка. «Языкъ болтай, голова не знай», какъ говорятъ татары. Утверждаю также, что наиболѣе разлагающій нравственную атмосферу кулисъ элементъ – не сами артисты и артистки, но публика. Эти «мышинные жеребчики», которымъ доставляетъ наслажденіе видѣть въ каждой актрисѣ или уже готовую кокотку, или женщину, готовую пасть, но не падшую лишь потому, что – дура! не понимаетъ своего счастья и ломается. Къ чести русскихъ актрисъ можно смѣло утверждать, что подобныхъ умныхъ «дурь» на сценѣ становится все больше и больше: интеллектуальный уровень русской актрисы поднимается съ года на годъ, а вмѣстѣ съ нимъ поднимается и защитоспособность ея противъ грязныхъ

соблазновъ грязныхъ людишекъ. Что касается своего брата, товарища-актера, то... опять-таки смѣшно было бы увѣрять васъ, будто за кулисами живутъ лишь Кины, Сюлливаны, да Геннадіи Несчастливцевы. Скажу больше: Кины наши, къ сожалѣнію, тѣмъ и разнятся отъ настоящаго, что – по большей части – изъ двухъ составныхъ частей Кина – генія въ нихъ нѣтъ, а безпутства – сколько хочешь. Но закулисная грязь имѣетъ одну хорошую сторону: она липнетъ лишь къ тѣмъ, кто хочетъ или позволяетъ облѣпливать себя ею. Что говорить! жертвою закулисныхъ Донъ-Жуановъ погибла не одна чистая дѣвушка, наивно мечтавшая видѣть въ театрѣ что-то въ родѣ Олимпа, а въ разныхъ Звонскихъ-Лелевыхъ, Гремиславскихъ-Бакенбардовыхъ – полубоговъ... Но, во-первыхъ, зачѣмъ же быть наивною? Наивность – товаръ, который надо оставить за порогомъ храма искусства, вымѣнявъ его на голубиное незлобіе пополамъ съ змѣиною мудростью. На то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ. Во-вторыхъ, неужели въ обычной, не закулисной жизни нахаль-ловелась такая рѣдкость? неужели мало дѣвушекъ и женщинъ, никогда не мечтавшихъ о сценѣ, пропадаетъ въ объятіяхъ Frauenjäger'овъ своего круга? Разница лишь въ томъ, что меньше огласки: актриса – слишкомъ замѣтный центръ общественнаго вниманія, и пятно на ея репутаціи выдѣляется чернѣе и рѣзче пятна на репутаціи всякой другой женщины. Въ-третьихъ, если Богъ дастъ вамъ попасть въ мало-мальски порядочную труппу, помните, что дѣвушка всегда найдетъ въ ея средѣ

не одну охранительницу и не одного охранителя своей нравственной свободы и женской чести – охранителей безкорыстных, безъ заднихъ личныхъ видовъ, – просто по рыцарству и по жалости къ одинокому молодому существу. Геннадій Несчастлицевъ, суфлеръ Нароковъ и пьяный Трагикъ въ «Талантахъ и поклонникахъ» – не миѡы. Бываютъ, конечно, и лицемѣрные рыцари-волки въ овечьей шкурѣ, но, право, рѣже, чѣмъ можно бы ожидать. Вообще сцена приучаетъ думать о людяхъ лучше, чѣмъ раньше ихъ считали: на ней иной разъ хорошіе люди дѣлають внезапныя подлости, но зато не рѣдкость и внезапный подвигъ чести со стороны челоуѣка, всѣми ославленнаго за подлеца. Въ хорошихъ труппахъ есть корпоративное благородство, не позволяющее нахаламъ изъ своей братіи обижать «малыхъ сихъ». Въ-четвертыхъ, наконецъ, сами закулисные Frauenjäger'ы можетъ быть, именно, въ сознаніи всего сказаннаго раньше – гораздо чаще упражняютъ свои донъ-жуанскіе вкусы и способности внѣ кулисъ, чѣмъ въ своемъ обществѣ. Вѣдь у большинства изъ нихъ – въ труппѣ – всегда есть какая-нибудь постоянная, долготѣнная привязанность, въ законномъ ли бракѣ, въ сожительствѣ ли *maritalement*, совмѣстительство съ которою новаго закулиснаго романа неудобно... да и предъ своими совѣстно. Нѣтъ – вѣрьте мнѣ: падаютъ за кулисами, какъ и во всякомъ другомъ кругу, только тѣ дѣвушки, которыя сами захотѣли упасть или уже такъ глупы, такъ слабохарактерны и запуганно-робки, что сами же, какъ агнцы, ведомые на закланіе, пошли

подъ ножъ, даже не дерзая защищаться отъ мужеской наглости, отъ атаки нахрапомъ. Такова ужъ, моль, видно, моя судьба, такъ тому и быть. Подобные типы – не рѣдкость, но въ какой средѣ ихъ нѣтъ?!. Кулисы ли ихъ губятъ? Гдѣ бы и чѣмъ бы они ни были, волкъ на ягненка всегда найдется. Были бы ягнята, а волки будутъ. Ergo – не слѣдуетъ быть ягненкомъ, и я очень радъ, что ваши прекрасные глаза говорятъ мнѣ, что вы не изъ овечьей породы! Главная же опасность для цѣломудрія актрисы, повторяю, не по ту сторону. рампы, а по сю. Она сидитъ въ первыхъ рядахъ кресель, воплощенная въ Великатовыхъ (хорошо еще!), Дулебовыхъ, Кикиныхъ, Вожеватовыхъ, во всѣхъ этихъ господахъ, для которыхъ актриса всегда будетъ заслонена красивою женщиною, а въ женщинѣ – духовная красота, «изъ тонкихъ парфюмовъ сотканная», красотою куска мяса, флакона, содержащаго эти парфюмы. Не водитесь, не панибратствуйте, по возможности – съ публикою, хотя бы это и отозвалось на вашемъ внѣшнемъ успѣхѣ. Вѣрьте: отзовется только на внѣшнемъ. Миѳъ, созданный антрепренерскимъ усердіемъ предъ провинціальными сильными міра сего, – будто артистка, ужинающая и пьющая шампанское въ компаніи городскихъ тузовъ, выгодна для театра и, обратно, будто нравственная опрятность и щепетильность актрисы вредна ему. Настоящими любимцами всей публики бываютъ только честныя женщины, не торгующія собою ни прямо, ни косвенно: все остальное – труха и мишура! Гдѣ антреприза становится на начала фаворитиз-

ма у лысинь партера, бѣгите оттуда: хотя бы на репертуарѣ стояли Шекспиръ и Шиллеръ, – вы уже не въ театрѣ, вы уже въ кафешантанѣ. А кафешантанѣ, хотя бы въ маскѣ драмы, – смерть и смрадъ. Гробъ повапленный, въ которомъ сгниваетъ талантъ.

Не бойтесь сплетень и дурныхъ слуховъ о себѣ. Это неизбежно. Вы – актриса. Вспомните, что еще недалеко отъ насъ время, когда актрисамъ церковь отказывала въ христіанскомъ погребеніи, когда актеръ, во мнѣніи общества, былъ бродяга, а артистка – продажная женщина. Вспомните не съ горечью, но съ удовольствіемъ, потому что именно лишь удовольствіе можно испытать, пробѣгая взглядомъ быструю эволюцію артистическаго сословія *per aspera ad astra*. Никакая революція не могла возвысить званія актера такъ значительно и быстро, какъ возвысилось оно – само собою, путемъ мирной потребности эстетической – въ какія-нибудь сорокъ, пятьдесятъ лѣтъ. Но прошлое оставляетъ свою отрыжку и въ потомствѣ, и къ актрисѣ больше, чѣмъ къ кому-либо, идутъ старыя слова Гамлета: «будь чиста, какъ снѣгъ, холодна, какъ ледь, – людская клевета не пощадитъ тебя»! Если вы станете возмущаться всякою клеветою, которая прокатится вокругъ вашего имени, у васъ не хватитъ ни времени, ни нервовъ ни на что другое. Тогда лучше не дѣлайтесь актрисою. Это законъ, и законъ непреложный. На васъ наклевететь соперница, наклевететь отвергнутый поклонникъ, наклевететь мышиный жеребчикъ, наклевететь продажный рецензентъ, ко-

торому вы не протянули руки для поцѣлуя, наклев...

Входитъ мальчикъ изъ типографіи.

Мальчикъ. Пожалуйте фельетонъ: типографія сердится.

Актриса. Боже мой! Это я васъ задержала... Простите меня: я ухожу...

Фельетонистъ. Прощайте, миссъ Анна... если ужъ только подь этимъ именемъ долженъ я знать васъ. А, на прощанье, запомните вотъ что. Когда вы вошли, я, жалѣя вашей молодости, хотѣлъ отговорить васъ отъ сценической карьеры, а кончилъ тѣмъ, что прочелъ ей апологію. И... должно быть, такъ оно и надо: инстинктъ иногда работаетъ справедливѣе и здравѣе разсудка. Ступайте на сцену! Она – не радость, она – полудѣло; но лучше ея все-таки пока ничего нѣтъ у женщины. Женщина всюду раба или возовая лошадь, едва вырабатывающая отъ сердобольныхъ хозяевъ-мужчинъ вязанку сѣна для своего пропитанія, и только на сценѣ она царица. «Ты войдегаъ на сцеиу королевой, да такъ и сойдешь съ нея королевой» – это Несчастливцевымъ хорошо сказано. Можетъ быть, скоро настанетъ время, чго женщинѣ, которой страшна безлюбовная семья, найдется на Руси и другая дѣятельность, болѣе плодотворная, можетъ быть; будетъ возможность указать ей другіе пути, болѣе сцены цѣлесообразные и полезные для нея самой и для другихъ. А пока... вы знаете:

Ключи отъ счастья женскаго —
Отъ вашей вольной волюшки
Заброшены, потеряны
У Бога Самого...
Какою рыбой сглонуты
Ключи тѣ заповѣдныя,
Въ какихъ моряхъ та рыба
Гуляетъ, — Богъ забыть!

И, пока ключи эти не найдутся, сцена всегда останется золотымъ сномъ, Fata Morgana женскаго воображенія, потому что сцена — воля, а воля — надежда счастья... И неужели надо — да кто же будетъ такъ подло-жестокъ? кто же посмѣетъ? — запретить женщинамъ даже видѣть золотые сны, даже грезить воздушными замками, гдѣ живетъ, улыбаясь хоть рѣдкимъ своимъ избранницамъ, румяная фея свободы и успѣха?

1897.